

Отзыв официального оппонента
на диссертацию Екатерины Евгеньевны Ивановой
«Инструменты ордынского господства над Русью»,
представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук
по специальности 5.6.1. Отечественная история

Диссертационное исследование Екатерины Евгеньевны Ивановой посвящено классической для отечественной и мировой историографии проблематике – истории Монгольской империи и места русских княжеств в ее составе. Следует отметить исключительно удачный и в силу этого новый разворот проблемы монгольского господства (долгое время в отечественной историографии обозначаемое как «монголо-татарское иго») – проведение исследования его инструментов. Методы и средства осуществления монгольской власти над Русью рассматриваются как сложная многоэлементная динамическая политическая система. Такой структурно-функциональный подход позволяет сохранить объективность, избежав как ретрансляции штампов «черной легенды» о монголах, так и идеализации методов поддержания и механизмов системы их власти. Корректно и точно сформулированы цель и задачи исследования, не вызывают вопросов и его хронологические рамки.

Рецензируемая диссертация состоит из введения, 4 глав, заключения, приложений, списка источников и литературы.

Во «Введении» (стр. 4–35) сформулированы актуальность, цели и задачи работы, хронологические и пространственные рамки исследования, теоретико-методологические основания работы, положения, выносимые на защиту, источники и историография исследования. Источниковую базу составил обширный круг нарративных и документальных источников. Диссертантка прекрасно знакома со всей отечественной историографией и ключевыми иностранными работами. Во Введении представлен обзор общих оценок системы осуществления власти монголов над русскими княжествами и русско-монгольских отношений, тогда как в историографических параграфах каждой главы дан обзор исследований, посвященных конкретным вопросам, затрагиваемым именно в ней. Это позволяет избежать ненужного дублирования, не теряя при этом широты охвата историографии. Обзор историографии во Введении дан по хронологии, что дает возможность проследить эволюцию взглядов исследователей разных поколений. А в каждой главе историография изложена по тематическому принципу, который хорошо показывает, насколько подробно на сегодняшний день исследованы отдельные конкретные проблемы, изучаемые в диссертации. Е. Е. Иванова прекрасно владеет всей необходимой источниковедческой информацией о каждом исследованном древнерусском памятнике

литературы. Причем, работая с летописными известиями, как древнерусских, так и китайских и монгольских, памятников, диссертантка использует не просто ставит летописные годы, условно-формально переведенные на современное летоисчисление, но использует аналитические хронологии событий, разработанные Н. Г. Бережковым, В. А. Кучкиным, А. А. Горским, А. П. Григорьевым, Р. Ю. Почекаевым и др. В приложениях эти даты выделены разными цветами, прекрасно показывая, насколько практика бездумного пересчета «летописных» дат не отражает реальную хронологию событий. Наконец, Е. Е. Иванова, в отличие от многих, даже маститых ученых, вполне осознает условность многих принятых в историографии датировок (стр. 80). Внимание к таким деталям хронологии украшает любую диссертацию по истории. Кроме того, диссертантка в полной мере использует достижения текстологов, учитывая реконструкции оригиналов древнерусских текстов и необходимость исключать из анализа позднейшие интерполяции, информация из которых очевидно вторична или вообще недостоверна.

Первая глава «Складывание Монгольской империи и формирование системы управления покоренными народами (кроме Руси)» (стр. 36–49) посвящена рассмотрению режимов организации власти монголов на различных территориях. Несмотря на некоторую схематичность, в ней хорошо показывается, что монголы были склонны к ксенократии, они старались осуществлять дистанционную эксплуатацию. Монголы, судя по всему, прежде всего старались, максимально экспроприировать человеческие и финансово-экономические ресурсы завоеванных территорий. По итогам этой главы становится ясно, что Русь была вполне типичной частью Монгольской империи и любые спекуляции о том, что определенная часть суверенитета благодаря борьбе с завоевателями была сохранена не соответствуют действительности.

Во второй главе «Политические инструменты монгольского владычества и их использование на Руси» (стр. 50–110) рассмотрены политические инструменты реализации и поддержания монгольской власти над русскими княжествами. Наиболее интересны обзоры престолонаследия, династических браков, казней князей и взятия заложников. Рассмотрение мнений исследователей по вопросу причин той или иной казни или монгольско-русского брака заставляет признать, что у практически нет достоверной информации о внутренних механизмах власти и повседневной политической коммуникации в Улусе Джучи и в русских княжествах. Сопоставление полных сводок смен монгольских ханов и поездок русских князей к ним, позволяет сделать убедительный вывод, что поездки князей во время смены монгольского хана не было обязательным ритуально-политическим действием, но могли быть использованы самими древнерусскими князьями как политический инструмент. Дистанционное принесение присяги «вассального» князя монгольскому «сюзерену», это еще

один элемент монгольской ксенократии. Интересен вывод о том, что баскаки сменились даругами в середине XIV в., наверное, можно согласиться, что это был или результат «реформ» хана Узбека (Султана Гийаса ад-Дина Мухаммада) или какая-то подвижка в системе экзотексплуатации после т. н. «великой замятни» в Орде (стр. 108–109). По итогам прочтения этой главы становится ясно, что политические средства использовались монголами в отношении русских земель точечно и спорадически, ни одно средство не стало универсальной формой позитивного и негативного политического взаимодействия.

В третьей главе «Экономические инструменты» (стр. 111–186) рассмотрены фискальные и денежно-кредитные составляющие монгольского господства. В ней диссертантка демонстрирует редкое для историка знание экономики, причем, как ее концептуально-терминологического аппарата, так и математических методов. Представляется, что эта глава сама по себе может стать основой для отличной монографии. Отдельный интерес и особую ценность представляет емкий обзор историографии механизмов экономической монгольской экзотексплуатации и расчетов объемов изымаемых у русских князей финансовых ресурсов. Диссертанткой сделано тонкое наблюдение, что даже в первые десятилетия монгольского господства практики несистематических грабительских рейдов не фиксируется. Акции монголов были спланированными военно-политическими актами террора и устрашения. Хорошо показаны генезис (после первых переписей и иных учетных мероприятий) и трансформация налогово-финансовой системы Улуса Джучи. Вполне убедителен вывод о том, что выплата «выхода» в Орду делалась за счет долей из совокупности собранных с населения князьями «даней», причем, лексема «выход» обозначала любую внешнюю выплату, а не обязательно платеж в Орду. Таким образом, дань была основным внутренним налогом на Руси, а «выход» ее частью, уходившей раз в год монгольскому хану (стр. 185). Тонко отмечена редкость использования адвалорных налогов и преобладание специфических налоговых ставок (стр. 169). Особо отмечу, выведенную диссертанткой, формулу расчета суммы «выхода» в конце XIV – начале XV в. (стр. 171–172). Таким образом, в диссертации предложена убедительная целостная политэкономическая модель монгольского господства: использование специфической ставки налога в сочетании с долевым принципом участия князей в его выплате при личной ответственности великого князя перед монгольским ханом за общую сумму (стр. 173). Хотя диссертантка вполне обоснованно назвала экономическую жизнь Руси в составе Орды «уравниванием с одними неизвестными» (стр. 184), думаю, вполне очевидно, что она значительно продвинулась в понимании многих ключевых политэкономических вопросов этого времени.

В четвертой главе «Военные инструменты» (стр. 187–234) показывается, что вопреки историографическим стереотипам, восходящим к образу «татар» в средневековых русских

источниках, монголы не столько применяли военно-карательные средства воздействия, сколько манипулировали и шантажировали угрозами их применения. Подчеркну знаменательный вывод о том, что в период с 1240-х до 1360-х гг. основными инициаторами привлечения монгольских войск на территории Руси были сами русские князья, и только с со второй половины XIV в. большее число военных экспедиций стало организовываться ханом и монгольской знатю (стр. 215–216). Именно здесь проходит водораздел, когда покорное подчинение завоевателям и коллаборационизм сменились на готовность к сопротивлению монголам и установкой на политический сепаратизм (стр. 216–217). Видимо, как раз устойчивость монгольской власти и была причиной констатируемого в диссертации отсутствия монгольских военных контингентов на территории русских княжеств (стр. 223).

В заключении (стр. 235–243) сформулированы основные выводы исследования. Со всеми имевшимися в диссертации выводами можно и нужно согласиться. Диссертанткой очень хорошо показано, что система дистанционного господства монгольских ханов над русскими княжествами динамически менялась с течением времени. Монгольские ханы применяли разные инструменты господства с разной степенью интенсивности в зависимости от их возможностей и обстоятельств. Выделение ограниченно применяемых средств политического воздействия – важный вывод диссертации. Действительно, яркие сами по себе и поэтому привлекающие внимание исследователей, эпизоды династических браков на поверку оказываются в данном случае неэффективной политической практикой, а описанные в летописях походы были не столь уже частыми и эффективными, как можно подумать, читая наполненные эсхатологией и риторикой комментарии древнерусских книжников. Выясняется, что судопроизводство на Руси русские князья и церковные иерархи полностью сохранили за собой. Наконец, практически не использовалась система взятия заложников. Также обоснованно констатируется, что карательные рейды монголов («рати») стали часто применяться только во второй половине XIV в. и имели «ограниченный успех». Таким образом, хотя эти вторжения «татар» запечатлелись в исторической памяти русских как яркие травмирующие события, на деле, они не были столь уж эффективны. Максимального успеха монголы достигали, когда действовали по инициативе самих русских князей. Монгольская администрация была представлена на территории русских княжеств очень ограничено, а военных контингентов, видимо, не размещалось вовсе. Таким образом, монголы выступали по отношению к элите и народу Руси как типичные «силовые предприниматели» (определение В. В. Волкова), манипулирующие подчиненными субъектами с помощью угрозы (стр. 242) военно-силовых акций и сосредоточенные, прежде всего, на «выкачивании финансовых ресурсов» (стр. 20). Описанная Е. Е. Ивановой структура дистанционного монгольского господства над Русью соответствует

концептуальной модели экзополитарного способа производства номадов или ксенократии, характерных по Н. Н. Крадину для кочевых империй Евразии. При этом, сами князья, церковные иерархи и, возможно, представители привилегированных социальных групп, извлекали прямую выгоду из режима монгольской власти, являясь ее фактическими бенефициарами. Здесь вполне рациональное восприятие соотношения сил с монголами, подчеркнутое в финале диссертации (стр. 243), видимо, дополнялось вполне очевидными политико-эксплуататорскими интересами элиты Руси, которая извлекала выгоду из сотрудничества с монголами, пусть и сугубо неравноправного для них.

Диссертация Е. Е. Ивановой в очередной раз доказывает старую историософскую аксиому, которая заключается в том, что империй, основанных только на страхе и терроре, не бывает. Власть монгольских ханов над русскими землями вполне проходит тест на рационально-легальную легитимность по критериям Максимилиана Вебера, сформулированным в его «Экономике и обществе» (“Wirtschaft und Gesellschaft”).

Приложения к диссертации имеют самостоятельное значение: в них в табличной форме прекрасно систематизирован весь собранный фактический материал. Они не только позволяют проверить выводы диссертации, но и являются своего рода справочником по динамике изменений монгольской политики на Руси.

Как всякая исследовательская работа на сложную историческую тему диссертация Е. Е. Ивановой не свободна, на мой взгляд, от некоторых недостатков и суждений, вызывающих полемику.

Во-первых, в совершенно необходимой для данного диссертационного исследования Главе I, которая описывает конституирование режимов власти Монгольской империи на разных ее территориях, упущена двухтомная кембриджская история Монгольской империи («The Cambridge History of the Mongol Empire») 2023 г., которая, впрочем, еще, возможно, не дошла до российских библиотек. Также кроме монографии Н. Н. Крадина и Т. Д. Скрынниковой «Империя Чингисхана» (2022), нужно было бы использовать книгу Н. Н. Крадина «Кочевники и всемирная история» (2020). В целом же, осмысление и использования концептов этих монографий, таких как «номадический империализм», «кочевая империя», «ксенократия», «монгольская глобализация» позволили бы рельефней показать общее и особенное в технологиях господства монголов над Русью и иными «провинциями» их империи. Хотя, надо признать, что такое расширение исторического контекста вполне можно отложить на этапе диссертации, оставив его для монографии. Точно также в первой главе при определении термина «империя» вместо работ историков-юристов и политологов (стр. 48) нужно было обратиться к «империологическим теориям» политических антропологов, которые в полной мере отражены в монографиях Н. Н. Крадина,

Т. Д. Скрынниковой, а также в коллективной монографии «Кочевые империи Евразии. Особенности исторической динамики» (2019) под редакцией Б. В. Базарова и Н. Н. Крадина. Кроме того, для определения «империи» и прояснения критериев идентификации крупных политий в качестве «имперских» вполне можно было использовать двухтомную «Оксфордскую всемирную историю империй» (“The Oxford World History of Empire”) 2021 г. под редакцией Питера Ф. Банга, Кристофера А. Бейли и Вальтера Шайделя.

Во-вторых, совершенно не понятны сомнения автора (в сноске 2 на стр. 5) как именно именовать эпонимный народ-создатель империи, хотя вполне очевидно, что их следует обозначать именно по самоназванию «монголами», а не различными экзоэтнонимами, о чем вполне внятно указывается в монографии Н. Н. Крадина и Т. Д. Скрынниковой, которую диссертантка знает и использует. Другое дело, когда речь идет об образе монголов в разных литературных традициях, в таком случае вполне допустимо использование экзоэтнонимов-сигнификатов, поскольку, как учит нас азбука семиотики, образ-концепт в тексте практически никогда не равен общности-денотату.

В-третьих, хотя можно согласиться с автором диссертации в том, что явных археологических следов военных контингентов монголов на территории Руси, видимо, пока не выявлено (стр. 222–223), но в целом археологические признаки присутствия монголов, конечно, налицо. Данные, собранные В. Ю. Ковалем в монографии «Керамика Востока на Руси. IX–XVII вв.» (2010), говорят о том, что присутствие на Руси выходцев из мира монголов было шире, чем видится сквозь призму письменных источников. В Курском Посеймье хорошо исследован Ратский археологический комплекс, который, судя по публикациям В. В. Енукова, в XIV в. был большим городом, населенным носителями материальной культуры монголов и других народов Великих степей Евразии. Вряд ли это были сугубо мирные переселенцы. Впрочем, это – отдельная большая и сложная проблема, прямо темы данной исторической диссертации не касающаяся.

В-четвертых, кажется недооцененной осталось участие монгольских ханов и эмиссаров во встречах и переговорах («снемах») русских князей, подключение знатных монголов к этому важному элементу политической коммуникации элиты Руси тоже можно трактовать как политический инструмент осуществления господства. Кроме того, это – показательный пример встраивания монголов в существующий на Руси с XI в. политический институт междукняжеского взаимодействия. Таким образом, в будущем я бы добавил к политическим инструментам – непосредственное включение монгольских агентов в существующие системы политической коммуникации между русскими элитами.

В-пятых, в нескольких случаях армянские имена даны в устаревшем написании, так, правильней писать Степанос Орбелян, а не «Орбелиан», а Киракоса из Гандзака правильней

называть Киракосом Вардапетом или Киракосом Аревелци. Тюркское же слово *kürän* имеет значение «группа совместного кочевания» и не имеет коннотаций кровнородственного объединения.

В-шестых, никаких «русинов» на территории Венгерского королевства в 1240 г. быть не могло (стр. 225), формирование этого народа происходило уже после монгольского нашествия как раз в результате миграций части населения Руси на запад. Все гипотезы о происхождении русинов от «восточно-славянских» общностей раннего Средневековья являются плодом устаревшей и недоброкачественной околонучной историографии. В данном случае, вполне очевидно, что в тексте «Горестной песни...» Магистра Рогерия речь идет о русских, взятых в плен на Руси, куманах («половцах»), неких исмаилитах (мусульманах) и местных венгерских пленниках. Никаких сомнений в том, что здесь речь идет о жителях русских княжеств нет. В этом нетрудно убедиться, обратившись к новейшему изданию текста Магистра Рогерия Яноша Бака и Мартина Рады (2010 г.).

Изложенные мной замечания носят, конечно же, частный и рекомендательный характер и не меняют моей общей высокой оценки диссертации.

В целом, диссертация Екатерины Евгеньевны Ивановой «Инструменты ордынского господства над Русью» выполнена на высоком квалификационном уровне, представляет большой интерес для специалистов, как русистов, так и ориенталистов. Диссертация является существенным вкладом в историческую науку. Выводы диссертации достоверны и основаны на необходимом количестве источников и исследовательской литературы. Название работы в полной мере соответствует ее содержанию. Основные положения, сформулированные в автореферате, не вызывают никаких серьезных возражений. Текст автореферата соответствует и отражает содержание текста диссертации. Перечисленные в автореферате статьи отражают содержание диссертации, обеспечивая ее материалам и выводам необходимую предварительную апробацию.

Все вышеизложенное безусловно подтверждает, что диссертационное исследование Екатерины Евгеньевны Ивановой «Инструменты ордынского господства над Русью» полностью соответствует критериям, предъявляемым к кандидатским диссертациям.

Диссертация Е. Е. Ивановой отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.1. Отечественная история (по историческим наукам), а также критериям, определенным пунктами 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова. Текст диссертации оформлен согласно приложениям № 5, 6 Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на

соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Таким образом, Иванова Екатерина Евгеньевна заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. Отечественная история.

Официальный оппонент:

Кандидат исторических наук по специальности 07.00.02 (= 5.6.1) – Отечественная история,
доктор исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история (Средние века),
Ведущий научный сотрудник
Федерального государственного бюджетного учреждения науки
Институт всеобщей истории
Российской академии наук
Щавелев Алексей Сергеевич

Специальность, по которой защищал диссертации официальный оппонент:

кандидат исторических наук по специальности 07.00.02 (= 5.6.1) – Отечественная история,
доктор исторических наук по специальности 5.6.2 – Всеобщая история (Средние века),

02.04.2025

Контактные данные:

Почтовый адрес:

Щавелев Алексей Сергеевич
119334, Российская Федерация,
г. Москва, Ленинский проспект, 32а, комн. 1518.
тел./факс: +7 (495) 938-13-44

Адрес места работы:

ФГБУН Институт всеобщей истории
Российской академии наук
119334, Российская Федерация,
г. Москва, Ленинский проспект, 32а,
тел./факс: +7 (495) 938-13-44
e-mail: dir.igh.ru
сайт: iviran.ru